

Лунный свет скользил по земле, дробясь тенями, ночь окутывала город тихой, вязкой тьмой.

Возле спящего общежития, в самой глубине зелёной аллеи, стоял чёрный автомобиль, сливаясь с темнотой, растворяясь в ночи, будто хищник, притаившийся в засаде.

В машине было темно.

На спинке водительского кресла висела смятая одежда, словно сорванная в спешке, на полу покоились сброшенный ремень и скатанная в комок тёплая кофта.

Снаружи — прохладный воздух ночи, внутри — зной, в котором дышать становилось тяжело.

Фу Гэ сдавленно выдохнул ругательство, сам удивившись тому, насколько смелым оно прозвучало. Белая тонкая рука дёрнулась, неловко скользнула вверх, цепляясь за холодное стекло, будто пытаясь выбраться наружу, но едва он продвинулся хоть немного, как тёплая смуглая ладонь резко схватила его за запястье и рывком притянула обратно.

Ци Хань усмехнулся, держал его крепко, словно котёнка, пойманного за загривок, и лениво спросил:

— Бежать? Разве не ты сам этого хотел?

Фу Гэ вскинул руку, слабо стукнул его по плечу, пальцы дрожали, а в голосе прозвучала беспомощная жалоба, тихая, будто царапающий воздух шёпот:

— Ублюдок... хватит уже меня мучить...

Не прошло и двадцати минут, а его голос уже осип от сдержанных всхлипов, и без того хрупкие, влажно-алые уголки глаз теперь раскраснелись до предела в своей уязвимости.

Ци Хань шумно сглотнул, глядя на него исподлобья, дёрнул головой, нахмурился и, не колеблясь ни секунды, грубо наклонился вперёд, впечатывая поцелуй ему в губы, в шею, в дыхание.

— Это ты меня провоцировал, — хрипло выдохнул он, прижимаясь к его носу, смоляные глаза полыхнули тёмным огнём. — А теперь жалуешься, что не выдерживаешь?

Фу Гэ задрожал, чуть заметно повёл головой в сторону, но всё равно не смог скрыться от жара его дыхания.

— Плохой мальчишка, ты хоть понимаешь, как ты сейчас выглядишь, а?

Голос был низким, чуть сдавленным, небрежная усмешка скользнула по губам.

Фу Гэ заморгал, влажные ресницы дрогнули.

— К-как?..

Ци Хань не стал давать ему времени на раздумья. Одним быстрым движением подхватил за талию, прижал, голос опустился до шёпота, и в каждом слове звенело что-то дикое, сырое, почти звериное:

— Как глупый, никчёмный кролик, который даже отбиваться не умеет.

— Ты...

Его слова были до неприличия резкими, Фу Гэ даже не сразу нашёл, чем ответить, губы дрогнули, но вместо слов сорвался только судорожный вдох. Он собрал все силы, сжал кулак и слабо ударил его по плечу, в глазах стояли слёзы, голос был натянутым до предела:

— Гад...

За десять минут до отключения света тьма наконец растворилась в тишине.

Приоткрытая дверь автомобиля позволила воздуху смениться, и наружу вырвался густой, пряный аромат, смешанный с терпким запахом мускуса, растекаясь в ночи невидимыми волнами.

Ци Хань запрокинул голову, откинулся на спинку сиденья, прикрыл глаза, правая рука безвольно свисала вниз, между пальцами тлела полускуренная сигарета.

Фу Гэ долго лежал у него в объятиях, тяжело дыша, потом наконец нашёл в себе силы пошевелиться, сжал пальцы на его рубашке и провёл ими по ткани, словно что-то выцарапывая, словно требуя к себе внимания. Его голос прозвучал едва слышно, но в нём было всё — капризная обида, несмелая попытка сопротивления и какая-то детская мстительность:

— Я... я на этой неделе домой не вернусь... сам будешь спать один...

Ци Хань негромко рассмеялся, коротко, сдавленно, как будто даже не удивлён. Лёгким движением пальцев сжал его талию, заставив его вздрогнуть.

— Если будешь злить меня дальше, — его голос стал низким, хриловатым, — не то что домой... ты даже из этой машины не выберешься.

Фу Гэ напрягся, будто хотел возразить, но не нашёл в себе сил.

— Я... я ничего такого не делал...

Но даже это слабое, отчаянное протестующее «я...» он проглотил, не договорив, потому что знал — не было в этих словах силы, и не было в нём сейчас возможности сопротивляться.

Он посмотрел на Ци Ханя.

А потом совсем тихо, совсем тихо, почти жалобно пробормотал:

— Ты вообще больше меня не боишься...

Он уже так умолял, так покорно слушался, но его всё равно не отпустили, даже ни на миг, ни на дюйм.

Ци Хань сидел, запрокинув голову, лениво смежив веки, всё ещё утопая в послевкусии, тяжесть ощущений медленно отпускала, но пальцы всё равно оставались слегка онемевшими. Услышав его тихий голос, он лишь усмехнулся, не открывая глаз, скользнул ладонью по чужой коже, нащупал его подбородок, крепко сжал и, прищурившись, негромко спросил:

— Это хочешь?

Фу Гэ опустил взгляд и увидел тонкую белую сигарету, зажатую между его пальцами.

В груди что-то сжалось.

Никотиновый дым царапал ноздри, и это было слишком заманчиво, слишком опасно.

Он сглотнул, но на губах всё же недовольно сморщился, пробормотал сквозь зубы:

— Ты бесишь меня...

Ци Хань усмехнулся, провёл ладонью по его спине, легонько сжав под тонкой тканью, потом неспешно поднёс сигарету к губам, сделал глубокую затяжку, прикрыл глаза, словно смакуя вкус, и, склонившись ниже, сильными пальцами разжал его губы, передавая ему дым.

Белое облако медленно скользнуло между их ртами, растворяясь в дыхании, смешиваясь с тяжёлым ночным воздухом. Никотиновый горьковатый привкус разлился по губам, а огонёк на кончике сигареты вспыхивал и гас, в точности повторяя ритм их сердец.

Где-то в тёмном углу, подальше от чужих глаз, они целовались с привкусом никотина, и любовь, как неуловимая тень, растворялась в этом дыме, ускользала сквозь пальцы.

— Понравилось? — Ци Хань спросил это ровно в тот момент, когда сигарета догорела до фильтра.

Фу Гэ не сразу ответил.

Лёжа в его объятиях, он чувствовал, как горит кожа, как сердце всё ещё бьётся неравномерно, как лёгкие не могут насытиться воздухом. Он уткнулся носом в его шею, провёл губами по влажной от пота коже и глухо прошептал:

— А тебе... тебе было хорошо?..

Ци Хань усмехнулся, наклонился, скользнул губами по его скуле, низко, хрипло ответил:

— Охуенно.

Они проворковали так ещё пять минут, прежде чем он, наконец, одел его обратно.

Фу Гэ с удивлением обнаружил, что одежда, которую он ему подал, была точно такой же, как та, что на нём была до этого, — те же цвета, тот же фасон, ни одной разницы. Чистая, выглаженная, без единой складки.

— Ты серьёзно?.. — Он посмотрел на него исподлобья.

Ци Хань кивнул, словно это было самым естественным поступком в мире.

— Чтобы никто не догадался. А ты у меня всегда чистенький, как ни крути.

Он был слишком внимателен.

Фу Гэ опустил взгляд, на секунду почувствовав странное, тёплое чувство в груди, но даже не успел его осознать, как холодный, стальной голос снова ворвался в его уши:

— Дойдешь до комнаты, ложись сразу, телефон не отключай.

Он ловко нацепил на его ухо небольшой блютуз-наушник, подсветка мигнула алым.

Фу Гэ поморщился, но не стал снимать.

— Буду всё время слушать. Если тебе станет страшно, если вдруг что-то случится, даже если просто соскучишься, скажи хоть слово — я сразу приеду.

Фу Гэ вздохнул и покачал головой, в глазах промелькнула лёгкая усмешка.

— Ты правда меня за ребёнка держишь... Ночью одному остаться — что в этом сложного?

Ци Хань тихо, с раздражением хмыкнул, сдвинул брови, зло взглянул на него и бросил:

— Конечно, не сложно. Ты ведь у нас крутой.

Он поджал губы, скользнул взглядом по нему сверху вниз, пристально изучая, и вдруг в глазах что-то дрогнуло, он нахмурился сильнее, будто что-то осознал, будто что-то внутри его вдруг пронзило.

И прежде чем Фу Гэ успел что-то сказать, он неожиданно наклонился, уткнулся носом ему в лицо, тихо, едва слышно прошептал:

— Гэ... Обними меня.

Это было так быстро, так неожиданно, так резкий этот переход от холодного безразличия к чему-то до боли родному, что Фу Гэ даже не сразу понял, что произошло.

А потом посмотрел на него, увидел этот взгляд — чуть потемневший, напряжённый, но в то же время до смешного честный, и вдруг рассмеялся.

— Ты чего опять?..

Но всё же потянулся, обнял его, накрыв руками его шею, притянул ближе, прижался к нему крепко, словно это было самое естественное в мире действие.

Ци Хань уткнулся лицом в его шею, глубоко вдохнул, впитывая его запах, словно хотел забрать с собой, запомнить каждую ноту, и, не открывая глаз, глухо пробормотал:

— Я не хочу тебя отпускать. Совсем.

Голос был ленивый, растянутый, но в нём чувствовалась неподдельная тоска.

— Как так получается, а? — Его голос потяжелел, в нём проступила почти детская обида. — Ты уходишь, будто тебе это вообще ничего не стоит. Будто ты... будто ты без меня прекрасно справишься. А я? Стоит мне только подумать, что тебя нет рядом, что ты не дома, у меня даже

дышать тяжело становится. Хочу взять тебя и просто... спрятать в карман, чтобы носить с собой везде.

Фу Гэ с трудом сдержал смех, но всё-таки улыбнулся, провёл рукой по его волосам и, поглаживая, тихонько успокоил:

— Ну мы же договорились. Всего одна ночь, завтра ты заберёшь меня из общежития, и мы вместе пойдём завтракать.

— Да-да, — хмыкнул Ци Хань, буркнул себе под нос: — Пойдём жрать восхитительную помойку из столовки.

Фу Гэ сделал невинное лицо:

— Ладно-ладно, понял... Просто когда ты рядом, вообще не важно, что есть.

Ему пришлось приложить немало усилий, чтобы наконец уговорить Ци Ханя разжать объятия. Стоило только оказаться на свободе, он сразу же выскользнул из машины и быстрым шагом направился к общежитию.

Но стоило сделать всего пару шагов, как сердце вдруг болезненно сжалось от странного, неожиданного чувства пустоты.

— Сяо Гэ!

Он тут же развернулся.

— Что?

Альфа уже был рядом, в его руках блеснул тёмный кусок ткани.

— Надень. — Он наклонился и накинул маску ему на лицо.

Фу Гэ заморгал, не сразу понимая, зачем, но тут же услышал его хриловатый, ленивый голос:

— У тебя губы все покраснели. Спрячь.

Фу Гэ замер, а в следующий миг Ци Хань внезапно наклонился ниже, легко, почти невесомо, коснулся губами его маски, а потом, прежде чем тот успел что-то сказать, пробежался пальцами по его ресницам, словно играясь.

— Спокойной ночи, — прошептал он. — Пусть тебе снятся хорошие сны. Всегда.

Университет закрывал ворота в десять тридцать, и они были последней парой, что расставалась перед этим.

Фу Гэ под пристальным, испепеляющим взглядом вахтёрши протиснулся в здание, быстро прошёл в лифт, поднял ладонь к губам, а потом... едва сдержал смешок.

На коже ровным рядом отпечатались десять аккуратных розовых зайцев.

Ци Хань, застёгивая его рубашку перед уходом, оставил их ему в качестве отметки.

«Гэ, ты так красиво плакал, — вспомнились его слова. — Завтра приходи ко мне с зайками, получишь награду».

Фу Гэ усмехнулся и достал телефон, быстро напечатал короткое сообщение: «Очень понравилось».

Ответ пришёл тут же.

Голосовое.

— Что понравилось? Я ещё не уехал, давай, скажи, я сейчас же тебе куплю.

Фу Гэ покачал головой, сдерживая смех, и так же в ответ записал голосовое.

— Ты же сам в машине меня спрашивал. Понравилось? Ну, вот тебе ответ...

Сообщение только отправилось, и в ту же секунду снаружи раздался резкий, оглушительный гудок.

Фу Гэ вздрогнул, а во дворе заголосила целая гряда электроскутеров, срабатывая от неожиданного шума.

Внизу мгновенно вспыхнули окна, а вахтёрша, переполненная праведным гневом, разразилась длинной матерной тирадой на своём родном диалекте.

Фу Гэ хотел было выглянуть, посмотреть, какой неудачник додумался нажать на клаксон в такую ночь, но телефон снова завибрировал.

Новое голосовое.

— Кхм... Это я. Случайно. Взволнованно нажал...

Фу Гэ прижал ладонь к лицу и расхохотался, плечи ходили ходуном, он даже немного согнулся, пытаясь сдержаться, но не смог.

— Дурак... — прошептал он, крепче сжимая телефон в руке.

Ци Хань провёл под окнами ещё добрых полчаса, прежде чем, наконец, тронулся с места.

Массивный внедорожник резко развернулся и взял курс в сторону аэропорта.

Сегодня Чэнь Син возвращался в страну.

<http://bllate.org/book/14453/1278375>